

М.М.БАХТИН

ДОСТОЕВСКИЙ

Мир нашей мечты, когда мы мыслим о себе, своеобразен: мы в роли и автора и героя, и один контролирует другого. В творчестве Достоевского имеет место аналогичное состояние. Мы все время сопровождаем героя, его душевные переживания нас захватывают. Мы не созерцаем героя, а сопереживаем ему. Достоевский увлекает нас, мучительно увлекает в мир героя, и мы не видим его вовне. У главных героев Достоевского, и в этом их своеобразии, эмоциональные и волевые стороны отступают на задний план перед мыслительной способностью; все они резонеры. Но их мысли, теории и рассуждения особого рода: они даны в стадии созидания. У других писателей герой приносит нам результат своей мысли в готовом, законченном виде; у Достоевского же мысль героев находится в процессе становления. Это обусловлено тем, что он не обладал законченным мировоззрением, его мысль еще не знает, к чему она идет. Достоевский, и в этом его личная трагедия, созерцал две бездны, колебался между «да» и «нет». Ни один писатель не стоял так за веру, и ни один не привел так много доводов против веры. В каждый момент мыслительного процесса героев автор не знает, что будет дальше. Когда мы видим готовый результат мысли, мы можем ее созерцать. Становление мысли созерцать нельзя: нам не на что опереться. Мы не успокаиваемся в едином видении романа как некотором объективном единстве, герой нас увлекает; мы не созерцаем его, а сопереживаем ему. Для того, чтобы изобразить процесс мысли, нужны формальные языковые особенности. Языка автора, куда мы могли бы отойти, чтобы созерцать героя, в произведениях Достоевского нет. У него много героев, и у каждого из них свой язык, и они расхитили язык автора. Описания даются в стиле того или иного героя, стилизованы под героев. Поэтому в произведениях Достоевского для нас нет места. Мы должны быть или в герое или закрыть книгу. Отсюда то болезненное, сумбурное и неустойчивое впечатление от творчества Достоевского, которое в то же время является показателем его глубины. Даже как журналист Достоевский не имел своего языка: он выработал определенный журнальный неприятно задиристый тон.

Наружность своих героев Достоевский также изображает своеобразно. Часто их внешнего облика просто нельзя представить. Бывает, что внешность героя противоречит его внутреннему складу. Так, нельзя связать наружность Зосимы с его внутренним складом; он дан нам в том освещении, в каком видит его Миусов. Объективного образа Грушеньки тоже нет. Она дана нам в тонах Дмитрия Карамазова, щекочет нас так, как щекочет Дмитрия. Поэтому герои Достоевского на сцене производят совсем иное впечатление, чем при чтении. Специфичность мира Достоевского изобразить на сцене принципиально нельзя; мы всюду вместе с героями и видим только то, что видят они. Достоевский идет за одним героем, потом бросает его и идет за другим; и мы также прикрепляемся то к одному герою, то следуем за другим, с одним таскаемся, потом с другим. Самостоятельного нейтрального места для нас нет, объективное видение героя невозможно; Театральный эффект его — это темная сцена с голосами, больше ничего. Своеобразен у Достоевского метод описания событий: оно ведется в тоне болтовни, сплетни. Автор не объективно воспринимает события, а прикрепляется к сплетнику, и мы вместе с ним в сплетне видим

мир. В этом отношении характерны названия глав Братьев Карамазовых»: «История одной семейки», «Первого сына спровадил», «Второго сына спровадил». Сюжет у Достоевского — странное совмещение Платона с бульварным романом. И это не случайно. Сюжет у него помогает раскрыть проблему и параллельно создает путаницу жизни, подчеркивающую незавершенность поставленных проблем.

Автор не дает нам ничего законченного, у нас нет базы, как нет ее в его душе. Достоевский вводит нас в лабиринт, в котором мы мечемся, но выйти не можем. Поэтому он так сильно действует на читателя. Основная тема Достоевского — колебание между двумя полюсами. [Герой] не знает, что добро, что зло, и поэтому находится в состоянии колебания, которое приводит к преступлению. Но преступление [у Достоевского] носит особый характер: оно дается в двух гранях — злодеяния и героического подвига. Когда же герои должны прийти к определенному решению, роман обрывается. Выход из колебания не найден. Что касается изображения предмета, то Достоевского можно назвать импрессионистом: он дает впечатление от предмета. И своеобразие здесь в том, что об одном предмете даются разные впечатления. Мы прыгаем из души в душу, и поэтому предмет начинает рябить, становится иллюзорным, лишенным устойчивости. Создается впечатление, что сейчас предмет развалится и от него ничего не останется.

***

Достоевский - создатель полифонического многоголосого романа, организованного как напряженный и страстный диалог по последним вопросам. Автор не завершает этого диалога, не дает своего авторского решения; он раскрывает человеческую мысль в ее противоречивом и незавершенном становлении. Достоевский не признавал никакого завершения. Если некоторые его романы (например, «Преступление и наказание») как будто бы завершены, то это попросту формальное литературное завершение. А вот «Братья Карамазовы» не завершены никак, все здесь остается открытым, все проблемы остаются проблемами, и никакого намека на определенное решение нет. Личные взгляды Достоевского (они у него, конечно, были, он вкладывал их в свои публицистические произведения, журнальные статьи, письма, выступления), ограниченные своей эпохой, своими групповыми интересами, своим направлением, входят частично в его романы.

Достоевский не признавал никакого завершения. Если некоторые его романы (например, «Преступление и наказание») как будто бы завершены, то это попросту формальное литературное завершение. А вот «Братья Карамазовы» не завершены никак, все здесь остается открытым, все проблемы остаются проблемами, и никакого намека на определенное решение нет. Личные взгляды Достоевского (они у него, конечно, были, он вкладывал их в свои публицистические произведения, журнальные статьи, письма, выступления), ограниченные своей эпохой, своими групповыми интересами, своим направлением, входят частично в его романы. Но, конечно, мы отыскиваем соответствующие места в романах, которые как бы повторяют, но повторяют от лица героев, некоторые мысли, высказывания Достоевского (например, в «Дневнике писателя»). Но в них эти взгляды вовсе не приобретают характер прямого авторского высказывания, они введены в диалог на равных основаниях со всеми другими прямо противоположными взглядами. Следовательно, в своих романах он поднимается над этими ограниченными, узкочеловеческими, узкоконфессиональными, православными

взглядами. И это, собственно, я считаю у Достоевского основным. Говорить о том, что можно выделить какую-то одну особую ведущую мысль, нельзя. Все дело именно в их множестве, воплощенном в разных личностях. Все дело именно в этом диалоге, притом диалоге заведомо незавершенном. Достоевский неоднократно в своих романах показывает, что, в сущности говоря, завершение диалога, завершение спора возможно только путем внесения какой-то внешней грубой материальной силы. А по существу, именно такая диалогическая мысль и вообще смысл незавершимы.